

АХУНДОВ МИРЗА ФАТАЛИ

«МУСЬЕ ЖОРДАН, УЧЕНЫЙ БОТАНИК, И ДЕРВИШ МАСТАЛИШАХ, ЗНАМЕНИТЫЙ КОЛДУН»

Представление об удивительном происшествии, которое излагается и завершается в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мусье Жордан— ученый ботаник, парижанин, 40 лет.[1]

Гатамхан-ага— владелец кочевья Текле-Муганлы, карабахец, 65 лет.

Шарафниса-ханум— его старшая дочь, 16 лет.

Гюльчохра— его младшая дочь, 9 лет.

Шахрабану-ханум— его жена, 45 лет.

Шахбаз-бек— его племянник, жених старшей дочери, 22-х лет.

Ханпери— кормилица Шарафнисы-ханум, 40 лет.

Дервиш Масталишах— знаменитый колдун, иранец, 50 лет.

Гуламали— его ученик, иранец, 30 лет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Происходит в Карабахе в 1263 году в начале весны, через день после Новруз-байрама, в зимнем кочевье Текле-Муганлы. Во второй комнате Шарафниса-ханум расчесывает шерсть и тихо плачет. Ее младшая сестра Гюльчохра играет возле нее.

Гюльчохра.Почему ты плачешь, сестрица?

Шарафниса-ханум(отталкивает протянутую руку сестры). Отойди!

Гюльчохра(шалая, снова протягивает к ней руку). Сестрица, ну, ради аллаха,

скажи, почему ты плачешь?

Шарафниса-ханум(снова отталкивает ее руку). Отстань, говорю. Видишь, делом занята. Не мешай работать!

Гюльчохра(по-прежнему). Ты же не работаешь, а только плачешь. Скажи, почему плачешь? Если не скажешь, я маму позову. Ну, скажи, почему ты плачешь? (Срывает с нее головной платок).

Шарафниса-ханум(в сердцах, резко отталкивает ее. Гюльчохра падает). Тьфу ты, пропасть! Ни за что не отвяжется! Не даст заниматься делом!..

Гюльчохра поднимается и с плачем уходит к матери в другую комнату.

(Одна.) Вот дура! Сейчас все скажет маме. Боже мой, если мама придет и спросит, почему ты плачешь, что я отвечу? А я ни за что не скажу. Лучше буду отпираться, будто вовсе не плакала. (Тщательно вытирает глаза головным платком.)

Открывается дверь, входит Шахрабану-ханум.

Шахрабану-ханум.Зачем ты толкнула девочку? С ног ее сбила!

Шарафниса-ханум.Провалиться бы ей сквозь землю! Ни минуты не сидит спокойно. С самого утра не дала мне расчесать и двух клоков шерсти. Все время балуется, то шерсть выхватит из рук, то платок с головы сорвет. Мне надоело, я и толкнула ее легонько. А она побежала к тебе с ревом. Можно подумать, она в кровь разбилась.

Гюльчохра.Ей-богу, мама, неправду она говорит. И вовсе она не расчесывала шерсть, а все время плакала. Я говорю — не плачь, а она как толкнет меня, я так упала и ушиблась.

Шахрабану-ханум.Почему это ты плачешь, Шарафниса? Что у тебя за горе, чтобы плакать? Слава аллаху, отец твой жив, мать жива. Жених — красавец. Ешь ты вдоволь, нарядов довольно. О чем же ты плачешь?

Шарафниса-ханум.Да не плакала я, мама; ей-богу, не плакала! (Щиплет Гюльчохру.) Чтоб тебе провалиться! Когда это я плакала?

Гюльчохра вскрикивает от боли.

Ей-богу же, я не плакала, мама. Слава аллаху, отец у меня жив, мать жива, с чего же мне плакать?

Шахрабану-ханум(смеясь). А почему про жениха не говоришь? Ведь и жених у тебя есть!

Шарафниса-ханум.Какой еще жених?

Шахрабану-ханум.Как это какой жених? А твой двоюродный братец Шахбаз-бек чей жених? Отец твой, бог даст, недели через три такую вам свадьбу справит, что молва о ней пойдет по всему Карабаху. Позавчера он написал письмо своему другу Курбан-беку в Зардаб, чтобы тот договорился с шемахинскими музыкантами и прислал их на свадьбу.

Шарафниса-ханум(зажав большим и указательным пальцами нижнюю губу, оттягивает ее вниз, поднимает голову). Ах, о чем ты говоришь, мама? Шахбаз-бек через десять дней уезжает. А к чьей свадьбе готовится отец, я не знаю.

Шахрабану-ханум(с удивлением). Шахбаз-бек уезжает? Куда? С кем? Ради аллаха, не выдумывай небылиц! Да, вижу, ты и вправду плакала. Оказывается, и в самом деле у девиц ума мало, слез много. А ну, говори, кто тебе сказал, что Шахбазбек уезжает?

Шарафниса-ханум(опускает голову). Он сам.

Шахрабану-ханум.И куда?

Шарафниса-ханум.Не знаю, не то во Францию, не то в Париж... Пропади они пропадом, и выговорить не могу.

Шахрабану-ханум.Хорошо, а с кем он едет в Париж?

Шарафниса-ханум.С нашим гостем, мусье Жорданом.

Шахрабану-ханум.С этим нашим франком, что всякие травы собирает? Зачем он едет? Какие у него во Франке дела? У него что, собака, что ли, заблудилась в Париже?

Шарафниса-ханум.Ничего не знаю. Шахбаз — молодой неопытный. Мусье Жордан вбил ему в голову, будто девушки и женщины в Париже появляются в обществе с открытыми лицами. И многое еще другое наговорил ему. А тот

с ума сошел и все твердит, что он обязательно должен поехать и посмотреть Париж. Сначала, говорит, попрошу разрешения у дяди, а если не пустит, то ночью на коне переправлюсь через Араке, найду там мусье Жордана, поеду с ним в Париж, посмотрю там все и погуляю.

Шахрабану-ханум(откладывает в сторону чулок, который вязала и обращается к младшей дочери). Гюльчохра, поди-ка позови сюда Шахбаза из того дома. Посмотрим, что это еще за новости.

Гюльчохра убегает.

Говорила же я: Гатамхан-ага, послушай, поскорей справь эту свадьбу. Боюсь я за Шахбаза. Каждый день у него тысяча новых фантазий. Не послушался он меня, тянул, тянул, и вот что вышло.

Открывается дверь, и входит Шахбаз-бек.

Шахбаз-бек.Что случилось, тетушка? Ты меня звала?

Шахрабану-ханум(нахмурившись). Шахбаз, я слышала, что ты едешь во Франку, в Париж. Что это значит?

Шахбаз-бек(улыбнувшись). А что плохого, если я и поеду, тетушка? Съезжу и вернусь. Да еще привезу Шарафнисе в подарок шапочку, как у французских девушек.

Шарафниса-ханум.Мне не нужно шапочек, как у Франкских девушек: купи эти шапочки в Париже и надевай их своим девушкам, если ты из-за них легче ветра летишь из Карабаха.

Шахрабану-ханум.Она права, надевай эти шапочки на Франкских девушек. Шарафнисе они не нужны. Скажи-ка мне, ты сам себе хозяин или есть старший, который заменяет тебе отца?

Шахбаз-бек.Конечно есть! Я не поеду, не получив разрешения у дяди. Мусье Жордан сам будет просить его согласия.

Шахрабану-ханум(сердито). Ладно, ступай. Ты совсем от рук отбился и переходишь всякие границы. Я позову сейчас Гатамхан-агу и спрошу у него, кто такой этот мусье Жордан, что подбивает его племянника поехать в Париж. Клянусь аллахом, я сыграю с ним такую шутку, что он забудет, по какой дороге явился, и Париж забудет. Очень хорошо! Ступай, а я поговорю

с Гатамхан-агой, пусть он объяснит мне, как это ты поедешь в Париж, когда до твоей свадьбы осталось двадцать дней?

Шахбаз-бек. До моей свадьбы двадцать дней? Нет, я еще слишком молод и не женюсь так скоро. Я не соглашусь на свадьбу, разве только насильно меня женят...

Шахрабану-ханум(кричит). Да, именно насильно! Конечно, твою свадьбу надо было сыграть еще два года назад, да только Шарафниса была слишком мала. Молодых людей вроде тебя холостая жизнь портит, толкает на воровство и разбой.

Шахбаз-бек. На воровство и разбой толкают голод, нужда. А у меня, слава богу, всего вдоволь.

Шахрабану-ханум(насмешливо). Интересно знать, какие это нищие разбойничают и грабят на большой дороге? Не выдумывай, ради аллаха... Ты вконец с пути сбился... Ступай и займись своим делом.

Шахбаз-бек уходит с опущенной головой.

Как будто умерли Гатамхан-ага и Шахрабану-ханум! Неужели какой-то франк собьет Шахбазу с толку и увезет в Париж? Послушай, Шарафниса, я уже забыла, повтори-ка, какими посулами этот собиратель трав соблазнял Шахбазу, чтобы увезти его в Париж?

Шарафниса-ханум. Он говорил, что в Париже все красивые девушки и молодые женщины появляются в обществе с открытыми лицами.

Шахрабану-ханум. А еще что говорил?

Шарафниса-ханум. Что там девушки и молодые женщины бывают вместе с мужчинами, разговаривают с ними, смеются, танцуют.

Шахрабану-ханум(с досадой). А что еще? Это все одно и то же.

Шарафниса-ханум. Да много чего он рассказывал. Но все остальное у меня вылетело из головы, запомнилось только это. Откуда мне знать?

Шахрабану-ханум(раздраженно). Велик аллах! Как мне сказать Гатамхан-аге, что его племянник Шахбаз-бек, сидя в Карабахе, воспылал нежными чувствами к парижским девушкам и решил ехать туда вместе с мусье Жорданом, а его шестнадцатилетняя дочь Шарафниса ни с того ни с сего проливает потоки слез и одевается в траур, ревнуя, видишь ли, Шахбазу к молоденьким парижанкам.

Шарафниса-ханум(вскакивает). Боже мой, почему меня не засыплет земля?! Что она говорит? Земли под ногами не чувствую, лучше уйти! (Быстро выходит из комнаты.)

Шахрабану-ханум(Гюльчохра). Гюльчохра, отец твой разговаривает во дворе с пастухами. Поди скажи ему, чтобы сейчас же шел сюда... Есть важное дело.

Гюльчохра убегает.

(Одна.) Какие, оказывается, неблагодарные люди эти франки. Никакого добра не помнят. А я, глупая, каждый божий день подавала мусье Жордану на завтрак сливки и масло, на обед — плов и жаркое, чтобы он, вернувшись на родину, не сказал, что женщины карабахских кочевий невежливы, не умеют принять и уважить гостя. Делай после этого добро людям! Все мои труды пошли прахом!

Открывается дверь.

Гатамхан-ага(входя). Что случилось, жена? Зачем ты меня так спешно позвала?

Шахрабану-ханум(нахмурившись). Что еще могло случиться?.. Сам посуди, говорят, что этот собиратель трав, твой гость, которого ты поил и кормил, сбил твоего племянника с толку и хочет увезти с собой в Париж.

Гатамхан-ага. Как? Мусье Жордан хочет увезти Шахбаз в Париж? Кто это сказал?

Шахрабану-ханум. Я сказала. Да и сам Шахбаз говорил Шарафнисе.

Гатамхан-ага(с деланным смехом). Ха-ха-ха! Шахбаз знает, что у твоей дочери чувствительное сердце, вот он и пошутил. А Шарафниса загрустила. Ха-ха-ха! У матери с дочерью ума ни на грош. Каждый пустяк выводит вас из себя.

Шахрабану-ханум(кричит). Для тебя все пустяк! Малый он неопытный, может, этот франк разными рассказами затуманил ему голову. Ты — мужчина. Ничего с тобой не сделается, если позовешь их обоих и спросишь, что это значит и что за разговоры.

Гатамхан-ага. Хорошо, жена, только не кричи, ради аллаха. Сейчас я позову их и при тебе же расспрошу. Только ты не кипятись.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Происходит в тот же день в первой комнате. Весь пол комнаты устлан коврами, в одном углу сложены мешки с мукой, в другом — бурдюки с маслом, тюки с шерстью. Гатамхан-ага сидит в глубине комнаты на ковре, справа от него сидит его жена Шахрабану-ханум в белом головном платке, прикрывающем нижнюю часть лица. Напротив Гатамхан-аги сидит, положив ладонь на рукоять кинжала, Шахбаз-бек и ждет с нетерпением, что скажет его дядя. Слева от него сидит на покрытом ковром тюке шерсти, перекинув ногу за ногу, мусье Жордан в европейском костюме, с непокрытой головой и курит сигару. Старшая дочь Гатамхан-аги Шарафниса-ханум заблаговременно пробралась тайком за ковровый занавес, за которым сложены тюки с шерстью, и подслушивает. Гатамхан-ага обращается к мусье Жордану.

Гатамхан-ага. Господин ученый, до меня дошли слухи, что ты хочешь повезти нашего Шахбаз во Франкистан, правда ли это?

Мусье Жордан. Да, Гатамхан-ага. Я об этом сам с вами хотел поговорить. Жаль, если такой способный и образованный молодой человек, как Шахбаз-бек, не будет знать французского языка. Я обещаю повезти его в Париж, обучить французскому языку и отправить обратно. Ему очень хочется знать французский язык, и он быстро его усвоит. Даже теперь, общаясь со мной, он уже выучил несколько фраз.

Гатамхан-ага(обращается к Шахбаз-беку). Правда, Шахбаз, что ты хочешь поехать в Париж?

Шахбаз-бек. Да, дядюшка, если на то будет ваше согласие, я поеду с мусье Жорданом, а потом уж сам вернусь обратно.

Гатамхан-ага. Но для чего это, сын мой?

Шахбаз-бек. Чтобы выучить французский язык, дядя.

Гатамхан-ага. На что тебе французский язык, милый? Тебе нужны арабский, персидский, азербайджанский и русский языки, а их ты уже изучил в школах, о которых позаботилось правительство.

Шахбаз-бек. Французский язык мне очень нужен, дядя. В прошлом году, когда вы посылали меня в Тифлис получить разрешение на прорытие канала, сын Аллахверди-бека, Тарверди-бек, который изучил в Варшаве французский язык, пользовался большим уважением, чем я, хотя, кроме французского и азербайджанского, никакого другого языка не знал.

Гатамхан-ага. Сын мой, ты еще ребенок и не понимаешь что все это пустяки. Человеку нужен ум, а если будешь знать еще один язык, от этого ума не прибавится. На каком бы языке ни говорил человек, он прежде всего должен уметь рассуждать, правильно представлять себе нравы и обычаи людей своего времени тогда он будет умело вести свои дела.

Шахбаз-бек. К людям нашего времени относятся и жители Парижа. Значит, дядя, необходимо знать и их обычаи и нравы.

Гатамхан-ага. Ну что ж, знай и их обычаи и нравы, если тебе так хочется.

Шахбаз-бек. Как же я могу узнать их нравы и обычаи, если не поеду в Париж?

Гатамхан-ага. Очень просто; так же, как их знаю я, встречаясь только с мусье Жорданом и слушая его речи. Хотя, кроме Карабаха, я нигде и не был.

Шахбаз-бек. Я не понимаю, дядя, каким образом вы составили себе представление об обычаях и нравах парижан?

Гатамхан-ага. Сейчас я объясню тебе, сын мой. Для меня совершенно ясно, что, каковы бы ни были наши обычаи и нравы, у парижан все наоборот. Например, мы красим руки, уной, а французы нет; мы бреем головы, а они отпускают волосы; мы сидим дома в шапках, а они с непокрытой головой; мы носим башмаки, а они ботинки; мы едим рукой — они ложкой; мы принимаем подношения открыто — они принимают их тайком; мы верим всему, а они ничему не верят; наши женщины носят короткие платья, а их женщины — длинные; у нас в обычае иметь много жен, а в Париже — много мужей...

Шахбаз-бек. Вот этого я не понял, дядюшка.

Гатамхан-ага. Почему же не понял, сын мой? Иметь много жен означает, что один мужчина не довольствуется одной женой, а иметь много мужей — это значит, что одна женщина не довольствуется одним мужем. Первый обычай существует у нас, второй — у парижан, если судить по тем книгам, содержание которых всю зиму подробно рассказывал нам мусье Жордан. Вот по такому образцу суди обо всем остальном и откажись от бесполезной мысли ехать в Париж.

Мусье Жордан(насмешливо). Ха-ха-ха! Гатамхан-ага, я удивляюсь, как это вы, пожилой человек, столь умный и здравомыслящий, столь искусный в житейских вопросах, до сих пор не стали членом какого-нибудь государственного органа. Я не могу возразить против ваших суждений, а только хотел бы, с вашего разрешения, сказать несколько слов.

Гатамхан-ага.Извольте, господин ученый! Нам приятно каждое ваше слово.

Мусье Жордан(серьезно). Гатамхан-ага, я хотел взять Шахбаз-бека в Париж, чтобы, во-первых, лично заняться его воспитанием, научить его французскому языку и, по возможности, наукам, а во-вторых, представить его королю и в благодарность за ваше гостеприимство и ваши заботы исходатайствовать ему у короля какое-нибудь вознаграждение, я потом уже отправить его на родину. Ведь я как ученый и член Академии наук, находящейся под личным покровительством короля, пользуюсь благосклонностью и доверием его величества. Но, как это выяснилось из ваших слов, вы отрицаете пользу путешествий. Поэтому я считаю необходимым на примерах доказать вам всю их полезность. Если бы, например, я не приехал в Карабах (достаю из кармана записную книжку, раскрывает ее и берет несколько трав, аккуратно сложенных в ней), если бы я не приехал в Карабах, кто бы узнал, что на карабахских горных лугах растут эти травы? До сих пор наши ученые и естествоиспытатели, господа Линней, Турнефор и Бертрам, полагали, что эти травы растут только в Альпах, в Америке, в Африке и в горах Швейцарии, но теперь, после того как я съездил на Кавказ, я докажу Парижской Академии наук, что все перечисленные ученые, безусловно, ошибались, что эти растения широко распространены также в горах Карабаха. Определив значение этих трав и исследовав на опыте их природу, я издам новый труд, руководство для врачей, и прослаблю эти травы на весь мир. Вот, к примеру, эта травка, которую вы видите (показывает), называется по-латыни аккантус и, согласно моим опытам, очень помогает при желудочных болях. Господин Линней относит ее к третьему классу, а господин Турнефор — к четвертому, я же помещу ее во второй класс. Вот эта травка называется по-латыни церастирум-альпинум и очень помогает при лечении глазных болезней. Господин Линней относит эту травку к седьмому классу, а господин Турнефор — к шестому, я же помещу ее в десятый класс. Эта травка по-латыни называется каммелина-африкана и является хорошим средством против зубной боли. Господин Линней помещает ее в пятый класс, господин Турнефор — в третьем, а я отнесу ее к восьмому классу. Эта травка, называемая по-латыни комбретум, до настоящего времени совершенно не была известна в Европе и считалась американским растением. Ныне я бесконечно рад, что обнаружил ее в Карабахских горах: она очень полезна при простудах. По господину Линнею, она находится в шестом, по Турнефору — в пятом, а я помещу ее в четвертый класс. Таким образом, я опишу свойства и характер всех

найденных мною трав и растений, и о них узнает весь мир. Тогда слава моя в этой области затмит славу Георга Клиффорда, покровителя господина Линнея, а заслуги мои перед наукой затмят заслуги германского ученого общества, открывшего болезнь картофеля и тем оказавшего своей родине большую услугу.

Гатамхан-ага. Я решительно ничего не понял из того, что вы сказали, господин ученый. Кто такой Клиффорд, кто Линей и кто Турнеф? К чему они утруждали себя, устанавливая какие-то классы для растений? И что такое герман, кто такой картофель, и от чего он захворал, и что он за важная персона, что родина в такой степени заинтересована в его здоровье и долгой жизни?

Наступает короткое молчание, мусье Жордан смеется.

Может быть, и нашего Шахбаза вы для того хотите увезти, чтобы научить его подобным загадкам?

Мусье Жордан. Простите, Гатамхан-ага! Вы правы. Только теперь я понял, какие надо было приводить вам примеры. Вспомните, например, о том счастливице, — я забыл его имя, — который приезжал к вам месяц назад на карабахское жеребке Альетмазе и гостил у вас; каким образом он нажил бы богатство, если бы не приехал в Карабах?

Гатамхан-ага. Вот это совершенно ясно, господин ученый. Правильно изволите говорить, если бы он не приехал в Карабах, то никогда бы не разбогател.

Шахбаз-бек. Милый дядюшка, если желаете мне счастья, разрешите мне поехать с мусье Жорданом. Такого благоприятного случая никогда больше не представится. Ведь оба вы признали пользу путешествий.

Гатамхан-ага(немного подумав). Господин ученый, за сколько времени Шахбаз сумеет съездить в Париж и вернуться?

Мусье Жордан. Эта поездка потребует год, не больше. Если он останется там меньше года, то не получит всей той пользы, ради которой он едет, ведь главная его цель — изучить французский язык.

Гатамхан-ага(к жене). Что делать, жена, пусть едет. Повернешь шапку, и год пройдет. Он молод, хочется ему, пусть поедет, посмотрит Париж. И господин ученый — человек хороший, при нем Шахбаз может многому научиться, увидит хорошее и дурное. Получит награду у короля. И к концу года будет снова в Карабахе. За это время и мы подготовимся к его свадьбе и справим ее, как только вернется.

Шахрабану-ханум(вскакивает, громко). Что ты говоришь, о чем ты думаешь, муж? Не желаю я, ни чтобы он ехал в Париж, ни чтобы получал образование, ни чтобы король ему подарки делал. Все это один предлог. Шахбаз хочет ехать в-Париж лишь для того, чтобы весело проводить время, болтать и пересмешничать с девушками и молодыми женщинами, которые появляются в обществе с открытыми лицами. Вот и все.

Гатамхан-ага(с досадой). Довольно, жена! Не кричи, ради аллаха! Ну, что мне делать? Если можешь, не отпускай его. Если можно остановить на лету птицу, то можно и Шахбазу удержать насильно. Не разрешишь, вскочит на лошадь и перелетит на тот берег Аракса. Где мне тогда искать его? Разве ты не знаешь, как он упрям?

Шахрабану-ханум(кричит еще громче). Я упрямец его! Не позволю ему ехать! Если я пушу Шахбазу в Париж, то пусть мой платок достанется гулящим девкам! (Протягивает руку к головному платку.)

Шахбаз-бек(со спокойной улыбкой). Велик аллах! Не знаю, какую охрану собирается выставить тетушка, чтобы удержать меня под арестом.

Шахрабану-ханум(кричит). Узнаешь! Ты поступай, как хочешь, а я буду делать свое дело. (Выходит.)

Гатамхан-ага. Беда с женщинами.

Мусье Жордан в недоумении, Шахбаз-бек негодуя молчит.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Происходит там же. В комнате сидит Шахрабану-ханум, поодаль от нее Шарафниса-ханум, расчесывает шерсть. Вдруг открывается дверь, и входит Ханпери, кормилица Шарафнисы-ханум.

Ханпери. Салам-aleyкум!

Шахрабану-ханум. Aлейкум-салам, Ханпери! Ты знаешь, чем кончилось дело?

Шарафниса-ханум прислушивается.

Дело кончилось тем, что Шахбаз едет в Париж. Я вот и позвала тебя, помоги

нам, если у тебя имеются какие-нибудь средства. Ты ведь знаешь, что Гатамхан-ага мягок, как тесто. Начал он хорошо, но потом вдруг размяк, поддался пустым разговорам мусье Жордана и Шахбаза. Но я скорее умру, чем отпущу Шахбаза в Париж. По правде сказать, я не могу видеть слезы Шарафнисы. Потерпит ли аллах, чтобы Шахбаз в Париже получал удовольствия, а моя пятнадцатилетняя девочка, у которой щечки, как розы, вздыхала, кровью кашляла, блекла и таяла от горя?

Ханпери. Ханум, я уже говорила тебе, что есть единственное средство. Зачем тебе полагаться на Гатамхан-агу или на кого-нибудь другого. Пошли в соседнее селение Агджабеди за дервишем Масталишахом, что из Ирана приехал, он все устроит так, как душе твоей угодно. Он так здорово колдует, что, пожелай он, даже меня с моим стариком мигом разведет.

Шахрабану-ханум. Ханпери, и я слышала о его колдовстве. Но все же никак не решусь. Не знаешь ли, что он такого сделал? Расскажи, может быть, я в него поверю. Ведь дело-то у нас очень трудное.

Ханпери. Ханум, не он ли развел агджабединского старшину Керима с женой Селимназ и свел ее с любовником? Не он ли устроил брак дочери старика Сафарали из Муганлов с ее возлюбленным? Не он ли силой своего колдовства убил отца, который не соглашался выдать ее замуж? Не он ли раньше времени вернул уехавшего на год мужа Шахсенем, дочери Кербалай-Ганбара из Джавадлов, чтобы тот не женился на другой? Ничто не может спастись от его колдовства!

Шахрабану-ханум. Милая моя Ханпери, сейчас же пошли сына, Алимардана, чтобы он привез Масталишаха из Агджабедов. Пусть скажет, что ханум его зовет, и пообещает ему все, чего только он пожелает. Одним словом, к вечеру, когда зажгутся огни, Масталишах должен быть в нашем доме.

Ханпери. Слушаюсь, ханум, сейчас пошлю. Но только ни Гатамхан-ага, ни Шахбаз-бек не должны знать, что придет Масталишах. Не дай бог, увидит его здесь Шахбаз-бек, тогда и колдуна убьет, и меня в живых не оставит.

Шахрабану-ханум. Ну конечно! Я выйду сейчас же и отправлю Гатамхан-агу с Шахбаз-беком посмотреть, как там табун, а когда вернутся, уложу их спать в комнате Шарафнисы, потому что ночью, скажу, мне нужно подогреть здесь воду, чтобы вымыть Шарафнисе голову и выкупать ее. Ступай и пошли сына за дервишем.

Обе уходят. Шарафниса-ханум, оставшись одна, встает.

Шарафниса-ханум. Благодарю тебя, боже, за милость. Немного успокоилось сердце. Да сгинет страна, в которой нет колдунов и чародеев. Если бы не

было дервиша, о котором говорила моя кормилица, мусье Жордан непременно увез бы Шахбаза и одел бы меня в траур.

Открывается дверь и входит Шахбаз-бек.

Шахбаз-бек. Ты знаешь, Шарафниса, милая, какую бурю устроила сегодня тетушка? При мусье Жордане криком кричала на дядюшку и мне грозила.

Шарафниса-ханум. Ты не видишь, что сам делаешь, а видишь только, как тетушка кричит.

Шахбаз-бек. Что же такого я сделал, милая Шарафниса?

Шарафниса-ханум(бежит к ковровому станку, достает из-за него несколько сложенных листов и раскрывает их). Шахбаз, кто принес эти картинки? Не ты ли мне их принес да еще сказал, что это карточки молодых парижанок; посмотри, мол, какие красивые девушки в Париже; эти девушки и женщины с открытыми лицами бывают в обществе вместе с молодыми людьми. Я еще постыдилась показать эти картинки твоей тетушке.

Шахбаз-бек. Эх, Шарафниса, ты рассуждаешь, как ребенок. Эти картинки были в книге мусье Жордана. Он как-то перелистывал ее, увидел их и отдал мне. Отнеси, говорит, их своей невесте, покажи ей. В этом году, говорит, парижские девушки и женщины надевают такие платья, в прошлом году они носили другие, а в будущем году будут носить совсем иное. Каждый год в Париже меняется фасон платьев. Я их и принес тебе. Что же в этом плохого?

Шарафниса-ханум. Плохо то, что ты ради этих девушек готов на крыльях полететь в Париж.

Шахбаз-бек. Что ты говоришь, Шарафниса. Я не променяю всех парижских девушек на один твой волос. У меня такая красавица невеста, что я даже на райских гурий смотреть не захочу. Дня не могу прожить без тебя.

Шарафниса-ханум. Оставь, ради аллаха! Нечего меня обманывать! Если бы ты действительно не мог дня без меня прожить, не стремился бы уехать в Париж. Совсем ты меня не любишь!

Шахбаз-бек(бросается к ней, обнимает и целует). Неужели ты настолько сомневаешься во мне, Шарафниса? Чем так говорить, лучше бы ты пронзила мне сердце стрелой. Ты бы расспросила, узнала, для чего я еду в Париж.

Шарафниса-ханум(с плачем вырывается из объятий Шахбаз-бека). Зачем мне спрашивать? Я хорошо знаю, что ты едешь вот для кого! (Стиснув зубы, ожесточенно комкает картинки и бросает себе под ноги.)

Шахбаз-бек.Клянусь аллахом, нет, не для них! Ничего ты не знаешь. Все мои сверстники получили образование, занимают хорошее служебное положение, им оказывают почести, их уважают, они счастливы. А у меня нет ни почета, ни уважения, потому что я застрял в этой дыре.

Шарафниса-ханум.Во-первых, это все неверно. Кто это из наших юношей добился успеха образованием и работой. Все эти счастливицы добились успеха совсем иным путем. А во-вторых, если ты хочешь служить, поезжай в Тифлис, поступи там на службу, а потом, если захочешь, поезжай в другие города, недалеко, чтобы руку можно было протянуть и голос подать. Никто из наших в Париж не ездит, да и из Парижа у нас никто не бывает.

Шахбаз-бек.Ты права, но в каждом деле человек должен иметь поддержку. В Тифлисе и в других городах никто меня не знает. Кто там поддержит меня, поможет устроиться на службу, внушит уважение ко мне? А этот француз — очень хороший человек и любит меня, знаком с нашей семьей. И я стану известен уже потому, что поеду в Париж с ним, научусь французскому языку и буду представлен королю. Когда же я вернусь, для меня везде найдется место.

Шарафниса-ханум.Все это твои выдумки, просто ты хочешь обмануть меня. Как это может быть, чтобы такой умный и способный молодой человек, как ты, не мог найти себе службу в Тифлисе?

Шахбаз-бек.По возвращении из Парижа я поеду в Тифлис и буду там служить.

Шарафниса-ханум(отталкивает ногой картинку). Разве такой, как ты молодой человек уберется в Париже от этих развратниц и будет по возвращении вести себя по-человечески?.. В Париж ты никогда не поедешь. Не хвались раньше времени!

В эту минуту за сценой Гатамхан-ага громко зовет Шахбаза. Тот быстро выходит из комнаты.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Происходит в комнате Гатамхан-аги. Сидят Шахрабану-ханум, Шарафниса-ханум и ее кормилица Ханпери. Прошло два часа после заката. Шахрабану-ханум поднимает голову и обращается к Ханпери.

Шахрабану-ханум(нетерпеливо). Что же это, Ханпери? Дервиша все нет?

Ханпери. Не беспокойся, ханум. Сейчас будет.

Открывается дверь, и входит знаменитый колдун Масталишах, нахмуренный и суровый.

Масталишах. Салам-алейкум!

Шахрабану-ханум(поднимая голову). Алейкум-салам, дедушка дервиш! Добро пожаловать! Входи, садись!

Масталишах(садится). Что прикажете, ханум? Всей душой я готов исполнить любое ваше распоряжение.

Шахрабану-ханум. Я побеспокоила тебя по легкому и небольшому делу, дедушка дервиш. Наш Шахбаз совсем отбился от рук. У нас гостит один франк, с которым он решил ехать в Париж и оставить невесту, мою дочь-красавицу — вот она сидит здесь, в слеза и горе. А через двадцать дней должна состояться их свадьба. Сколько Гатамхан-ага и я ни уговаривали, ни просили его, он даже не хочет слушать. Надо сделать что-нибудь такое, чтобы наш Шахбаз не мог уехать в Париж. Пусть мусье Жордан оставит его в покое, не увозит с собой.

Масталишах. Ханум, это вовсе не так легко и просто. Наоборот, это очень трудное дело. Сила моих чар должна обрушиться на Париж, либо на мусье Жордана.

Шахрабану-ханум. Я не поняла, дедушка дервиш. Почему это сила твоих чар должна обрушиться либо на Париж, либо на мусье Жордана?

Масталишах. А как же иначе? Чтобы воздействовать на Шахбаз-бека, я должен буду вселить в него одного из моих джиннов, и джинн выбьет из его головы желание поехать в Париж. Но очень может быть, что Шахбаз-бек испугается джинна, это отразится на его рассудке, он может заболеть или стать калеккой, потому что слишком еще молод.

Шахрабану-ханум. Что ты, дедушка дервиш, ради аллаха, не говори таких вещей. Все это для того и делаем, чтобы Шахбаз-бек ни на один день не отлучался и всегда был у нас на глазах. Как же мы можем согласиться, чтобы в него вселился джинн?

Масталишах. Тогда мне придется приказать дивам и ифритам разрушить Париж, перевернуть его вверх тормашками, чтобы Шахбаз-бек отказался от своего желания ехать туда. Или повелеть звезде Меррих обезглавить мусье

Жордана, чтобы некому было везти Шахбаз-бека в Париж. Других способов помочь вам нет.

Шахрабану-ханум. Как же это возможно, дедушка дервиш? Можно ли сделать такое?

Масталишах. Ах, ханум, это мое дело. Как вы можете сомневаться? Разве вы не слышали, что я приказал нескольким бесам сеять постоянно в крепости Шуше вражду и раздоры между моллами сект усули и шейхи, никогда не оставляя их в покое, потому что эти моллы с кафедры мечети открыто призывали народ не верить колдунам и чародеям. Не я ли переселил невиданного интригана и ябедника, дьявола Кейледжана, в тело Ага-Велиоглы и пустил его в Сальян, жители которого так его боятся, что ни днем, ни ночью не могут спокойно жить и спать в своих домах. И это еще я недостаточно отомстил сальянцам, ведь они в прошлом году не допустили меня в Сальян, прогнали, заявив, что их город — обитель благочестивых, а я дервиш и колдун, не смею ступить туда ногой. О каких еще моих делах вам поведать? Одиннадцать лет назад я прибыл на берег Аракса, чтобы проехать через Нахичеванский и Шарурский участки в Эривань. Жители обоих этих участков стали мне мешать, не пропустим, мол, тебя на эту землю, у тебя нет пропуска, а закон запрещает пропускать на эту сторону неизвестных людей без соответствующего разрешения. Сами они, мошенники, знают переправы и постоянно перевозят туда и обратно контрабандистов без всяких документов. Сколько я ни просил, ни умолял — не послушали. Я пошел вниз по реке, потом вверх, — нигде нельзя переправиться. Тут я вышел из терпения и приказал джиннам и ифритам сровнять с землей все дома Нахичеванского и Шарурского участков. Тут раздался такой удар, что треснула и обрушилась часть горы Арарат, похоронив деревню Акур. Несчастные невинные армяне, жители этой деревни, погибли, пострадав из-за своих злых соседей. А Мирав разве не разрушится, если я ему повелю: "Разрушьясь!"? А разве не остановится Аракс, если я прикажу ему остановиться?

Шахрабану-ханум(удивленно подносит руку к губам). Упаси, аллах, от такой беды.

Масталишах. Ночь проходит, ханум. Медлить нельзя. Скажите, когда собирается ехать мусье Жордан?

Шахрабану-ханум. Через десять дней.

Масталишах. Очень хорошо! Сейчас я на ваших глазах, ханум, построю «Париж» и тут же разрушу его. А дивам и ифритам прикажу в ту же самую минуту разрушить настоящий Париж и в течение десяти дней известить об этом мусье Жордана, чтобы тот отказался от своего намерения увезти

Шахбаз-бека. А то возьму большого петуха, назову его мусье Жорданом, тут же отрублю ему голову. А планете Меррих прикажу за десять дней точно так же отрубить голову подлинному мусье Жордану, чтобы Шахбаз-бека спасти от него. Скажите же, что вам угодно: разрушить Париж или отрубить голову мусье Жордану?

Ханпери(радостно бьет в ладоши). И то и другое, дедушка дервиш! Не станем же мы жалеть французов.

Шахрабану-ханум.Что ты, Ханпери! Каменное у тебя сердце, что ли? Что плохого сделали нам бедные парижане, и за что мы должны обрушить жилища на их головы, погубить тысячи и тысячи людей? Всю беду накликал на нас этот собиратель трав мусье Жордан. (Обращаясь к Масталишаху.) Дедушка дервиш, сделай с ним все, что умеешь. Отруби здесь голову петуху и прикажи планете Меррих отрубить голову мусье Жордану, когда тот уже переправится через Араке, чтобы Шахбаз остался один и вынужден был вернуться обратно. Лучше умереть одному виновному, чем погибнуть тысячам невинных людей.

Шарафниса-ханум.Не говори так, мама! Жалко мусье Жордана. Он такой хороший. Все лето он каждый день присылал мне с Шахбазом букеты цветов и всякие растения и говорил ему: "Отнеси своей невесте, пусть полюбуется; сколько лет она гуляет по этим горным лугам, видела ли она эти цветы и растения?". Еще он подарил мне зеркальце; на его обороте изображены удивительные цветы, привезенные из Нового Света и растущие в парижском диковинном саду. Он любит меня как родную дочь. Скорее я убью себя, чем позволю отрубить голову мусье Жордану. Пусть будет разрушен Париж. Что нам до него? Если бы девушки и женщины не разгуливали там с открытыми лицами, то и Шахбаз никогда бы не вздумал ехать туда. Пусть будет разрушен Париж и погибнут его девушки и женщины.

Шахрабану-ханум.Клянусь аллахом, не знаю, на что согласиться. Но делать нечего. Шарафниса права. Жалко мусье Жордана. Хороший он человек. Он виноват лишь в том, что соблазнил Шахбазу, уговорил его поехать в Париж. Ясно, что в Париже много порочных людей. И сама судьба послала нам дервиша, который разрушит этот город, превратит его в развалины. (Обращаясь к Масталишаху.) Дедушка дервиш! Прикажи дивам и ифритам поднять и опрокинуть Париж.

Масталишах.Слушаюсь ханум. (Обращаясь к Ханпери.) Ханпери, выйди и скажи моему ученику Гуламали, чтобы снял с лошади мой хурджин и принес сюда.

Ханпери быстро поднимается и выходит.

Ханум, где сейчас находятся Гатамхан-ага и Шахбаз-бек?

Шахрабану-ханум.Они объезжали табун, а теперь вернулись и спят в другой комнате.

Масталишах.Ханум, об этой тайне не должны знать ни они, ни кто-либо другой, ни теперь, ни после, иначе чары не будут иметь никакого действия.

Шахрабану-ханум.На этот счет будь покоен, дедушка дервиш!

В это время открывается дверь, и входят Гуламали с хурджином в руках и Ханпери.

Гуламали.Салам-алейкум!

Масталишах.Алейкум-салам! Положи хурджин, развяжи его и достань дощечки с картинками.

Гуламали(говорит по-персидски, чтобы женщины не поняли его). Что ты собираешься делать?

Масталишах.Я сложу из дощечек "город Париж", а потом прикажу дивам и ифритам в мгновение ока перевернуть настоящий Париж вверх тормашками, точно так, как на глазах этой госпожи (взглядом указывает на Шахрабану-ханум) я разрушу это подобие.

Гуламали(улыбнувшись). Ради чего это?

Масталишах.Ради сотни новеньких золотых, которые я получу от этой госпожи за свои труды.

Гуламали(улыбнувшись). Хорошо, но откуда у этой госпожи вражда к французской столице и ее населению?

Масталишах.Длинная история, сейчас некогда рассказывать. Доставай дощечки из хурджина!

Гуламали.Сейчас! Но я никак не могу поверить, чтобы эта трудная затея удалась. Не понимаю, шутишь ты, что ли? Как это можно в мгновение ока разрушить Париж?..

Масталишах.Чего же ты не понимаешь? Сейчас эта почтенная госпожа отсчитает мне за такое дело сто новеньких золотых, а для действия моего колдовства имеется десять дней срока. Ни один человек не знает и не будет знать об этой тайне. Как только получу золотые, я отправлюсь отсюда;

неужели же за десять дней я не успею переправиться на другой берег Аракса? А там кто меня найдет? Тогда будь что будет. Если за десять дней Париж будет разрушен, то золотые останутся при мне без всяких разговоров. Откуда нам знать, может быть, за это время Париж действительно будет разрушен по какой-нибудь причине. Разве мало бывает таких необыкновенных совпадений?

Гуламали(вынимая дощечки из хурджина, улыбается). Что-то трудно в это поверить. Выдумки какие-то.

Масталишах. Хорошо, а насчет денег? В это ты можешь поверить? Или это тоже выдумки?

Гуламали. Э нет, на этот счет не может быть сомнений.

Масталишах. Ну и хорошо. Не утруждай меня праздными вопросами. Ступай к лошадям. За час я закончу тут свое дело и выйду к тебе. Сядем на лошадей и уедем.

Гуламали выходит.

Тетушка Ханпери! Запри-ка дверь, чтобы никто сюда не вошел. Ханпери встает, запирает дверь и садится на свое место. (Про себя, по-персидски.) На редкость наивны и простодушны эти женщины. Не задумываясь и не рассуждая, они верят тому, что я, сидя в Карабахе, могу в одно мгновение разрушить Париж, или что в назначенное мною время Меррих может снести голову мусье Жордану на том берегу Аракса.

Шахрабану-ханум. Что говоришь, дедушка дервиш?

Масталишах. Читаю заговор, ханум, чтобы наше дело увенчалось успехом, посвящаю дивов и ифритов в свои замыслы. (Поднимает палас и чертит на полу круг.) Это границы Парижа. (Он складывает в кругу с десятков больших и маленьких домиков из дощечек.) А это парижские дома и здания. (Обращается к Шахрабану-ханум). Итак ханум, вы приказываете, чтобы я уничтожил Париж, превратил его в развалины?

Шахрабану-ханум. Что же делать?.. Да накажет аллах виновника. Вместе с сухими ветками сгорают и сырые. Бедные парижане! Они не сделали нам ничего плохого. Пусть грех этот падет на головы их девушек и женщин, которые с открытыми лицами сидят в обществе мужчин, болтают с ними, развращают добрых людей, сводят их с верного пути. Дедушка дервиш, принимайся за дело.

Масталишах. Ханум, пожалуйста награду дивам за их труды.

Шахрабану-ханум. На что дивам награда, дедушка дервиш?

Масталишах. О ханум, разве мои дивы-иранские сарбазы, чтобы служить даром, и разве я — иранский везир Хаджи Мирза-Агаси, чтобы ничего им не платить, а только бранить и страшать?

Мы рабы этого Али-шаха
Знаем все его секреты
Не хотим ни платы, ни еды,
Служим только для сближения с богом.

Шахрабану-ханум. Дедушка дервиш, разве Хаджи Мирза-Агаси не платил своим сарбазам? Он только их ругал и пугал?

Масталишах. Ханум, ей богу, однажды в Тегеране я собственными глазами видел, как Мирза-Агаси на Площади пушек рассматривал пушку под названием Изумруд. Вдруг семьсот сарбазов, окружив его, стали требовать свое жалованье. Хаджи Мирза-Агаси, нагнувшись, снял с ноги башмак, и, бранясь, бросился на них. Сарбазы в миг разбежались как стая испуганных куропаток. Не поймав ни одного сарбаза, он вернулся к пушке и, обращаясь к ханам из своей свиты, сказал: "Господа, вы видели? Не знаю как я с такой трусливой армией захвачу Герат! Хорошо, что я еще не бросился на них с мечом. Тогда я не знаю, где бы они остановились. Однако этого нельзя объяснить только трусостью сарбазов. Их напугала моя рустемовская смелость, я напал на них неожиданно и поэтому они позорно бежали. В смелости полководца есть множество секретов". Не думайте ханум, что я кормлю моих дивов пустыми разговорами. Наоборот, мне приходится угощать их, ласкать и ублажать, пока не упадут и не истребят их шигаби-сакибы.

Шахрабану-ханум. Как это пока не упадут и не истребят их шигаби-сакибы? Что ты говоришь, дедушка дервиш? Неужели потом шигаби-сакибы упадут и истребят их?

Масталишах(смеясь). А как вы думали? Если дивы и ифриты погубят столько невинного народа и ни за что ни про что разрушат прекрасный город, так неужели же в наказание за такой великий грех их не постигнет божья кара?

Шахрабану-ханум. Хорошо, дедушка дервиш, но почему в таком случае они не дорожат своей жизнью и решаются на такое дело?

Масталишах. Во-первых, потому что я им приказываю это. А во-вторых, потому что они глупы и такова их природа: они теряют покой, если не творят

зла. Не будь дьяволов, не было бы на свете никакого зла и никто бы не соблазнял потомков Адама на дурные дела.

Шахрабану-ханум. Ты прав, дедушка дервиш. Сколько же надо дать дивам в награду?

Масталишах. Я не хочу больше того, что вы обещали: сто золотых.

Шахрабану-ханум. Не много ли будет, дедушка дервиш?

Масталишах. Помилуйте, ханум, вы заставляете разрушить город, который стоит тысячи тысяч туманов; разве много будет, если вы заплатите за это сто золотых?

Шахрабану-ханум(обращаясь к дочери). Шарафниса, принеси-ка сундучок с деньгами.

Шарафниса-ханум проворно поднимается; достает из-под постели сундучок с деньгами и ставит его перед матерью.

(Открывает сундучок и вынимает из него сто новеньких золотых.) Смотри, дочка, на свадебные расходы совсем не остается денег.

Шарафниса-ханум. Ничего, мамочка, продадим сотню-две баранов, и опять будут деньги.

Шахрабану-ханум. Ты верно говоришь, дитя мое. Лучше потерять нос и уши, да сохранить голову. (Обращается к дервишу.) Получай, дедушка дервиш!

Шарафниса-ханум передает деньги Масталишаху. Тот берет их и прячет за пазуху. Затем он быстро засучивает рукава, достает из хурджина какую-то книгу и, перелистывая ее, разглядывает некоторые раскрашенные страницы.

Масталишах(подняв голову). Итак, оказывается, город Париж находится под созвездием Скорпиона. Все ясно: именно это созвездие вечно посылает на Париж бедствия. (Поднимается, берет палку и обращается к Шахрабану-ханум и ее дочери.) Ханум, не пугайтесь! Соберитесь с духом! (После этого он поводит глазами вокруг, принимает грозный вид и читает заговор.) Дегдегеха Фитее ди, Туббел-Кера-Керенди. Туббел-Куму-Кумуха, Биенди, Енди, Енда. (Дует налево, потом направо и страшным голосом начинает вызывать дивов и ифритов по именам, дает им распоряжения.) Эй, Мелиха, Селиха, эй, Белиха! Поднимите Париж! Опрокиньте наземь! Точно так, как сейчас я уничтожу его подобие! (Отступает на шаг, потом кидается к кругу и

ударом палки раскидывает дощечки, из которых были составлены домики. Затем на минуту останавливается и обращается к Шахрабану-ханум.) Поздравляю ханум, можете радоваться. Париж разрушен. Вы довольны?

Шахрабану-ханум. Да, дедушка дервиш, очень довольна. Только бы известие о разрушении Парижа поскорее дошло до мусье Жордана — занялся бы он собой, оставил бы Шахбаза в покое. Но я не представляю себе, кто бы мог так быстро доставить сюда это известие из Парижа.

Масталишах(громко смеется). Ха-ха-ха! Если человек, находясь здесь, в мгновение ока разрушает Париж, неужели он не сможет за минуту, за час, за день, за десять дней доставить сюда известие об этом? Как вы думаете?

Шахрабану-ханум. Верно, дедушка дервиш. Но как было бы хорошо, если бы это известие дошло до мусье Жордана сейчас же, — мы бы сразу избавились от него.

Внезапно раздается сильный стук, кто-то ломится в запертые двери, едва не сорвав их с петель. Из-за дверей взволнованный голос мусье Жордана. Дервиш Масталишах поспешно собирает дощечки, сует в хурджин, перебрасывает его через плечо, бросается к занавесу, за которым сложены тюки и прячется там. Мусье Жордан продолжает неистово колотить в дверь и кричит.

Мусье Жордан. Гатамхан-ага! Шахбаз-бек! Откройте дверь!

Шахрабану-ханум поднимается, перепуганная, и нерешительно идет к двери. Ее дочь Шарафниса-ханум начинает дрожать. Ханпери ударяет по коленям и говорит тихо.

Ханпери. Ох, батюшки! Ох, матушки!

Шахрабану-ханум отпирает дверь.

Мусье Жордан(задыхаясь от волнения). Где Гатамхан-ага? Где Шахбаз-бек?

Шахрабану-ханум(испуганно). Оба они спят в комнате Шарафнисы. Сегодня ездили проверять табун, очень устали и с вечера легли спать.

Мусье Жордан(громко, прерывисто). Ханум, сейчас же надо разбудить их. Мне нужно ехать, не могу медлить ни минуты! Париж! Тюильри! Жаль красивой столицы, прекрасного королевства! Францию постигло великое несчастье! Dommage, Paris! Mon dieu![2]

Шахрабану-ханум. Что случилось, господин ученый?

Мусье Жордан.Париж разрушен! Тюильри в развалинах! Франция погибла! Dommage Paris! Dommage Tuileris![3]

Шахрабану-ханум.Слава тебе, аллах! То есть я хотела сказать упаси, аллах!

Мусье Жордан.Прекрасный город, прекрасное королевство в одно мгновение превращены в руины! Уму непостижимо! Что это такое? Что это за колдовство? C'est affreux! Mon dieu! Mon dieu![4]

Шахрабану-ханум.Какое колдовство? Разве Париж разрушило колдовство, господин ученый? Что вы говорите?

Мусье Жордан(взволнованно кричит). Конечно, колдовство! Поразительно! В одно мгновение Париж разрушен!

От этих слов Шарафнису-ханум бросает в дрожь. Она не отрывает глаз от занавеса, за которым скрылся дервиш.

Ханпери(тихо). Ой, батюшки! Ой, матушки!..

В это время вбегают в одном нижнем белье Гатамхан-ага и Шахбаз-бек разбуженные шумом и криками мусье Жордана.

Мусье Жордан(при виде их). Ах, вы здесь!.. Гатамхан-ага, Шахбаз-бек, ради создателя, поскорее дайте мне лошадей. Я должен немедленно ехать, я не могу задерживаться. Прошу вас помочь мне переправиться через Араке.

Гатамхан-ага(пораженный). Что случилось, господин ученый? Почему вы уезжаете так поспешно?

Мусье Жордан(кричит). Париж в развалинах, Тюильри разрушен, французское королевство погибло, король бежал! Ваш заседатель только что доставил мне письмо из Тебриза от английского консула. Консул сообщает об этих событиях и пишет, что сейчас отправляется в Лондон курьер с важными бумагами. Он будет ждать меня на берегу Аракса. До двенадцати часов я должен быть там. Если я опоздаю, курьер уедет, а один я не смогу быстро прибыть к королю. Луи Филипп бежал в Англию! Mon dieu! Mon dieu![5]

Гатамхан-ага(в изумлении). Господин ученый, кто разрушил Париж, кто превратил его в развалины?

Мусье Жордан(взволнованно). Черти, дьяволы, дивы, ифриты, злодеи! Кого еще назвать? Умоляю вас, Гатамхан-ага, приготовьте лошадей! Больше

нельзя медлить! Dommage Paris! Malheur! Mon dieu! C'est affreux![6]

Гатамхан-ага стоит пораженный. Шарафниса-ханум дрожит все сильнее. Шахбаз-бек замечает ее волнение и, удивленный, подходит к ней и тихо с улыбкой спрашивает.

Шахбаз-бек. А ты что дрожишь, плутовка? Уж не ты ли приказала разрушить Париж, чтобы я не мог поехать туда?

Шарафниса-ханум(вся дрожит и не отрывает глаз от занавеса, за которым прячется дервиш. Тихо). Клянусь аллахом, это не я! Клянусь Кораном, клянусь всем святым я тут совсем ни при чем, я ни в чем не виновата.

Шахбаз-бек(с улыбкой). Посмотри только как она клянется, как старается выгородить себя! Что ты дрожишь? Такой королеве красавиц, как ты, позволительно и Париж разрушить.

Шахрабану-ханум(обращаясь к мусье Жордану). Господин ученый, вы увезете и нашего Шахбаза?

Услышав свое имя, Шахбаз-бек отходит от Шарафнисы-ханум.

Мусье Жордан. Что вы, ханум? Я не знаю, где голову приклонить, как же мне везти еще Шахбаза? Умоляю вас, Гатамхан-ага, скорее седлайте лошадей и проводите меня. До полудня я непременно должен быть на берегу Аракса.

Гатамхан-ага. Пойдем, Шахбаз! Посмотрим, что можно предпринять. Какое несчастье.

Оба выходят из комнаты. За ними следует мусье Жордан. После их ухода осторожно выходит из-за занавеса дервиш Масталишах с перекинутым через плечо хурджином, и, не обращая внимания на находящихся в комнате женщин, стремительно выбегает и скрывается.

Шахрабану-ханум. Видела, Ханпери, как все обернулось?!

Ханпери. Разве не говорила я тебе, ханум, что нет дела, с которым бы не справился этот дервиш? Я только боюсь, как бы от сотрясения, разрушившего его Париж, не пострадали какие-нибудь другие города. Ведь говорил же дервиш, что от страшного удара по Нахичеванскому и Шарурскому участкам отвалился целый кусок от горы Арарат.

Шахрабану-ханум. Да. После всего, что случилось, удивительно лишь то, что мужчины вечно твердят нам: не верьте в колдовство. Но как можно не верить, когда собственными глазами видишь подобное.

Ханпери. Эх, ханум, как могли бы мы на каждом шагу обманывать мужчин и делать все, что нам вздумается, если бы у них был ум?

Шарафниса-ханум стоит, охваченная страхом и изумлением.

Занавес

1. Мусье Жордан не вымышленный образ. Прототипом его послужил французский естествоиспытатель Алексис Жордан, 1814 — 1897.
2. Это ужасно! Боже мой! Боже мой! (франц.)
3. Жаль Париж! Жаль Тгоильрн! (франц.)
4. Это ужасно! Боже мой! Боже мой! (франц.)
5. Жаль Париж! Боже мой! (франц.)
6. Жаль Париж! Несчастье! Боже мой! Это ужасно! (франц.)